

**«ВЫРАЗИТЬ СВОИ ЧАЯНИЯ И НУЖДЫ
НА МЕСТНЫХ СЪЕЗДАХ...» (ВЛАДИКАВКАЗСКИЙ
ЕПАРХИАЛЬНЫЙ СЪЕЗД ДУХОВЕНСТВА И МИРЯН
25 АПРЕЛЯ – 3 МАЯ 1917 г.)**

Б. А. СИНАНОВ

Современные общероссийские процессы возрождения духовной жизни отчетливо проявились и на Северном Кавказе, где традиционно наблюдается высокий уровень религиозности населения. Важно отметить, что всплеск религиозного ренессанса охватил практически все конфессии, представленные на юге России, и в частности православие. Примером тому служат не только формальные признаки увеличения количества храмов и административные изменения в епархиальном делении региона, в том числе выделение самостоятельных Владикавказской и Аланской епархий в историческом очаге христианства – Северной Осетии, но и устойчивый рост религиозно-просветительской деятельности Русской Православной Церкви (РПЦ). Подтверждением последнему тезису может служить преобразование в 2009-2010 гг. владикавказской общеобразовательной начальной школы «Покров», действующей с 2006 г., в Православную гимназию им. протоиерея Аксо (Алексея) Колиева, а также открытие в 2010 г. Владикавказского православного духовного училища. В последние годы наблюдался постоянный рост числа воспитанников гимназии, который в 2011/2012 учебном году достиг 144 учеников, в то же время всего за неполных три года существования духовного училища на двух его курсах обучается 34 студента, 12 из которых уже имеют высшее светское образование.

Наблюдая процесс формирования новой модели государственно-конфессио-

нальных взаимоотношений и новой роли религиозных институтов в жизни общества, которые в условиях поликонфессионального северокавказского социума приобретают особое звучание, необходимо обратиться к эпохе кардинальных изменений в российской государственности, следовавшей после Февральской революции 1917 г., и тому историческому опыту, который был накоплен в этот период во взаимоотношениях Церкви и Государства.

Безусловно, самым ярким событием в жизни Владикавказской епархии после событий февраля 1917 г. стал Владикавказский епархиальный съезд духовенства и мирян, который состоялся в апреле-мае 1917 г. Постановления и резолюции съезда являются важным источником информации не только о жизни епархии в те сложные времена, но и о взаимоотношениях внутри церковной среды, а также настроениях, охвативших пастырей и паству в условиях новых социально-политических реалий. Интерес к истории РПЦ на Северном Кавказе в период трагических потрясений XX в., отчетливо проявившийся в 2000-е гг., побудил историков обратиться в первую очередь к документам съезда [1; 2; 3; 4], которые и сегодня не утратили своей актуальности.

К 1917 г., несмотря на видимую организационную силу РПЦ и ее всемерную поддержку государством, без преувеличения можно отметить, что Церковь оказалась в весьма неблагоприятном для нее внешнем и внутреннем положении. Широко рас-

пространенные среди правящих кругов царской России представления о непоколебимости Церкви и о народе как ее прочной опоре оказались иллюзией [5, 66]. Решающим фактором падения авторитета Церкви накануне революции, по мнению большинства исследователей, явились государственно-церковные отношения, присущие Синодальному периоду.

Передовая часть духовенства осознала всю неадекватность бюрократизированной Церкви задачам наступающего времени и встретила Февральскую революцию и падение монархии с надеждой на улучшение церковного и общественного устройства. Следовательно, внутри самой Церкви воздействие революционных событий сказалось прежде всего в том, что среди духовенства произошло своеобразное расслоение – выявились и начали организационно оформляться различные общественно-политические тенденции: от консервативно-охранительных до призывавших к всестороннему обновлению общественного строя и церковной жизни. Несмотря на такое многообразие и поляризацию мнений, преобладающими оказались настроения по поводу коренной реорганизации внутрицерковной жизни и существенных корректив в области церковно-государственных отношений.

Вслед за отречением Николая II от престола Святейший Синод опубликовал обращение «Ко всем верным чадам Православной Российской Церкви», начинавшееся словами: «Свершилась воля Божия. Россия вступила на новый путь государственной жизни» [6, 202]. По сути дела, именно в этих начальных словах «Обращения» Церковь через высший орган ее управления дала нравственную оценку событиям, свершившимся 2 марта 1917 г.

В свою очередь и рядовые священнослужители начали обсуждать итоги Февральской революции уже через несколько дней после ее завершения. Приоритет в этом принадлежит собраниям духовенства столичных и губернских городов. Несколько позже, начиная со второй половины марта, по всей стране начали созываться

многочисленные епархиальные, викариатские, городские и благочиннические собрания и съезды духовенства.

Так, 29 марта 1917 г. преосвященный Макарий (Павлов), епископ Владикавказский и Моздокский, отвечая на желания священнослужителей высказаться на общепархиальном съезде, предложил им «выразить свои чаяния и нужды на местных съездах по районам благочиний». Правящий архиерей рекомендовал «на этих поместных, пастырских с пасомыми, собраниях» обсудить текущие вопросы и выразить их в письменных постановлениях, которые затем следовало выслать епархиальному начальству. Спектр обсуждаемых проблем не был ограничен ничем, хотя предлагалось сосредоточиться на следующих вопросах: об избрании кандидатов на будущий общепархиальный съезд; участии духовенства в местных исполнительных комитетах по городам, станицам и селениям; выборах благочинных, членов благочиннических советов и председателей Епархиального Училищного Совета и Округных Отделений; устройстве на лучших началах приходской жизни и широком участии в ней мирян; учреждении института церковниц¹; миссионерской деятельности и т.д. [7, 63]

Исследователи отмечают, что на формирование мнения приходского духовенства о революционных событиях влияло несколько факторов. Один из них – позиция Синода, распоряжениям которого православные священнослужители подчинялись согласно внутрицерковной дисциплине (например, вышеупомянутое «Обращение», а также изменения в церковном богослужении, последовавшие в связи с прекращением поминовения царственного дома и возношении моления «о Богохранимой державе

¹ Вероятнее всего, в данном случае под «институтом церковниц» имеется в виду особая категория женщин-«церковнослужительниц» или «диаконисс», которые действовали в ранней церкви I-VIII вв., занимаясь в основном социальным служением. Предложение возродить столь древний чин является яркой иллюстрацией готовности духовенства и мирян к радикальным изменениям в жизни Церкви в России.

Российстей и о Благоверном Временном Правительстве ея» [7, 41-41об.]).

Вторым фактором являлся массовый революционный настрой, охвативший с первых чисел марта 1917 г. население страны. В те дни монархические идеи были крайне непопулярны. Соответственно, государственный переворот воспринимался как насущная необходимость для спасения страны.

Третьим фактором, определявшим позицию духовенства, являлось отношение к революционным событиям местных правящих архиереев. Однако мнения последних, как правило, влияли на позицию рядовых священнослужителей, если епископы пользовались авторитетом у своей паствы. В противном случае духовенством, зачастую при участии местных органов новой власти, предпринимались меры для увольнения своих архиереев с их кафедр: иногда за излишнюю строгость и взыскательность, за деспотический нрав, за имеющуюся у них в прошлом репутацию черносотенцев, за связь с Г. Распутиным и т.п. [8, 59-60]

Владикавказский епархиальный съезд духовенства и мирян проходил с 25 апреля по 3 мая 1917 г. Еще до его созыва активно действовал «Временный комитет владикавказского городского духовенства по разработке материалов для будущего Епархиального съезда» под председательством авторитетного священника Александра Богоявленского. Именно Временному комитету принадлежит инициатива максимально широкого представительства духовенства и мирян на съезде, как подчеркивалось, «ввиду важности его» [7, 64].

Действительно, в кафедральный город Владикавказ для участия в епархиальном съезде прибыло большое количество духовенства и мирян, как делегатов с правом голоса, так и «без полномочий, по личному желанию». Важно отметить, что почти половина делегатов съезда являлась мирянами различного социального происхождения и статуса: дворяне, казаки, церковные старосты, преподаватели духовных учебных заведений и т.д. [9, 1] Столь демократичный состав делегатов можно объяснить с учетом всесословного, всеобщего

характера самой Февральской революции. Стремление внести свой вклад в преобразование бюрократического строя церковного управления охватило самые широкие слои общества.

В первую очередь съезд, на заседаниях которого не присутствовал правящий епископ, принял ряд политических заявлений, в том числе по поводу важнейших в той ситуации вопросов: отношения к свершившейся революции, Временному правительству, войне и предстоящему Учредительному собранию. Духовенство епархии, «радуясь дарованной Проведением свободой Народу Русскому», обещало употребить все силы к тому, «чтобы упрочить в народном сознании блага этой свободы с полной верой и надеждой, что свобода Государства принесет Свободу и Церкви». В первой своей резолюции духовенство также заявляло, что будет всемерно содействовать тому, «чтобы обновление и возрождение свободного народа совершилось в возможной степени безболезненно». В свою очередь в адрес Временного правительства направлялась приветственная телеграмма на имя Председателя Совета Министров князя Львова. Относительно войны съезд принял резолюцию о необходимости «доведения войны до победного конца». Что же касается Учредительного собрания, то отмечалось, что участие духовенства в подготовке к нему паствы «желательно и необходимо путем беседований, разъяснений, работой в культурно-просветительских комиссиях, распространением соответствующей литературы и проч.» [9, 3об.-4].

Анализируя первые резолюции съезда, можно сделать вывод, что приходское духовенство сыграло важную роль в фактической отмене державного церковно-монархического лозунга, положенного в основу исторически сложившейся в России государственной идеологии – «за Веру, Царя и Отечество» [8, 64]. Кроме того, одной из концептуальных точек зрения владикавказского епархиального съезда было признание народовластия как новой формы государственного правления и всецелое подчинение ему.

Последующие резолюции съезда были посвящены внутрицерковному управлению, миссионерской деятельности и решению частных вопросов. Прежде всего, вводился выборный порядок замещения духовных и особенно духовно-административных должностей начиная с епископской кафедры, затем – епархиальных управлений, благочинных и завершая приходским духовенством [9, 4об.-7]. Владикавказский съезд по существу стремился утвердить коллегиально-представительное начало на всех ступенях церковного управления: по благочиниям были учреждены благочиннические советы из выборных представителей духовенства и мирян, по приходам – приходские советы, куда входили «все лица обоего пола, христиане православного вероисповедания, руководимые имеющим законное рукоположение пастырем» [9, 5]. Эти реформы осуществляли то, чего в продолжение более чем десяти лет передовые церковные деятели в самой скромной форме добивались от самодержавия: ограничение черного духовенства и прежде всего епископского всевластия и введения принципа выборности церковных должностей.

Тем не менее, постановления владикавказского епархиального съезда, согласно резолюции епископа Макария, вводились «в церковную жизнь епархии временно,

до окончательного решения поднятых вопросов на будущем всероссийском Съезде духовенства и мирян и поместном Соборе Русской Церкви». Резолюции, относящиеся к области общецерковных законоположений, в том числе об упразднении института церковных старост, о всецелой замене благочинных окружными советами, о выборе епископов, об образовании особой Осетинской епархии, благословлялось принять как пожелания для внесения их в решения Всероссийского Съезда духовенства и мирян и поместного Собора Русской Церкви [9, 14].

Революционные иллюзии духовенства стали рассеиваться вместе с наступлением общего разочарования граждан России в политике Временного правительства. Социальная активность священно- и церковнослужителей стала заметно понижаться с июля 1917 г. К этому времени выявилась неспособность Временного правительства проводить необходимые реформы и удерживать страну от нарастающей анархии и хаоса. Вместе с тем в стране углублялся экономический кризис, разваливалась армия, в обществе обострялась борьба между различными партиями. Народ устал от продолжавшейся более трех лет войны, на фоне которой все кризисные явления резко усилились, грозя самому существованию Российского государства.

1. Андрей (Мороз), игумен. История Владикавказской епархии. Элиста, 2006; Хубулова С. А. Весь мир мой храм: поликонфессиональный Владикавказ в XX веке. Владикавказ, 2005.
2. Канукова З. В., Хубулова С. А. Религия в истории и культуре полиэтничного города (Владикавказ в XIX – нач. XXI вв.). Владикавказ, 2006.
3. Горобец А. А. История Русской Православной Церкви в Северной Осетии (1917-1924 гг.): Дисс. ... канд. ист. наук. Владикавказ, 2004.
4. Гиоева И. А. Русская Православная Церковь в истории Северной Осетии (XX – нач. XXI в.): Дисс. ... канд. ист. наук. Владикавказ, 2005.
5. Кашеваров А. Н. Православная Российская Церковь и советское государство (1917-1922). М., 2005.
6. Регельсон Л. Л. Трагедия Русской Церкви. 1917-1945. М., 2007.
7. ЦГА РСО-А. Ф. 143. Оп. 2. Д. 431.
8. Бабкин М. А. Приходское духовенство Российской православной церкви и свержение монархии в 1917 году // Вопросы истории. 2003. № 6. С. 59-71.
9. ЦГА РСО-А. Ф. 143. Оп. 2. Д. 341.